
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

Л. Е. ГРИНИН

ГЕОПОЛИТИКА И МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА В СВЕТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

В истории время от времени случаются неожиданные события, которых могут заметно изменить прежние траектории развития. Пандемия коронавируса может стать одним из таких важных поворотных моментов в изменении мирового порядка, многих политических, социальных и иных отношений в Мир-Системе. Неудивительно, что появилось много исследований, анализирующих ее влияние на разные аспекты жизни. Однако вопросов пока больше, чем ответов. Вместе с ковидом началась и экономическая рецессия, которую давно ожидали. Оба процесса создали синергетический эффект крайне негативного влияния на экономику и жизнь. В статье делаются прогнозы о том, как развернувшиеся негативные процессы повлияют на экономику в ближайшее время, а также в среднесрочной и долгосрочной перспективе; как изменится соотношение сил в мире, кто из великих держав выиграет, а кто проигрывает, какое влияние это окажет на мировой порядок, а также о многом другом.

Ключевые слова: *коронавирус, пандемия, рецессия, мировой порядок, баланс сил, внутривнутриполитическая борьба, антитрамповские силы.*

Влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику и геополитику, а также на другие сферы и будущие изменения уже стало предметом довольно активного изучения (см., например: Atkeson 2020; Baker *et al.* 2020; Fernandes 2020; Grinin 2020; Guerrieri *et al.* 2020; Heisbourg 2020; Hofbauer, Komlosy 2020; Kosmehl 2020; McKee, Stuckler 2020; Ozili, Arun 2020; Sharif, Aloui, Yarovaya 2020; Snooks 2020). Однако очень много аспектов исследованы явно недостаточно. О некоторых из них пойдет речь в настоящей статье. Также крайне важно отметить, что коронавирус выступил тригге-

*Историческая психология и социология истории 2/2020 5–24
DOI: 10.30884/ipsi/2020.02.01*

ром, а во многом и причиной глобального экономического кризиса, который мы будем обсуждать ниже.

Небывалые в истории меры в борьбе с пандемией на фоне усиления основного противоречия современной эпохи

Пандемия инфекций, даже с относительно высокой летальностью, конечно, не является чем-то новым. Однако внимание к пандемии в 2020 г. колоссально отличается от всего, что было до этого. И чиновники, принимающие решения, и обычные граждане, столкнувшиеся с серьезными ограничениями и материальным ущербом, в прямом смысле испуганы и дезориентированы. Несмотря на то, что накоплен уже десятилетний опыт борьбы с пандемией, эта растерянность все еще дает о себе знать в виде непоследовательности и крайностей в объявленных мерах, нередко доходящих до абсурда, а также фактически признания своей беспомощности.

Главное и принципиально новое в плане действий против распространения пандемии – беспрецедентные меры по обеспечению безопасности населения и его имобилизации. Эти меры, которые ранее применялись, может быть, только во время ведения военных действий, оказали и продолжают оказывать крайне разрушительное влияние на экономику многих стран и мировую экономику в целом. Ведь в настоящее время карантинные меры той или иной степени жесткости распространены почти повсеместно. И это вызывало и вызывает протесты в десятках стран, которые порой принимают крайне ожесточенный характер.

Еще один важный, в чем-то даже первостепенный момент создавшейся ситуации – хорошо срежиссированное и скоординированное поведение СМИ (как национальных, так и глобальных), что заставляет предполагать наличие мощных, прежде всего наднациональных сил, пытающихся использовать эпидемию в собственных целях и интересах.

Хотя эти силы явно себя не позиционируют, можно предположить, что некоторые из них надеются (и мы видим, что небезрезультативно) на усиление своих позиций в мировой фармацевтике, в частности, на рынке вакцин и в области ужесточения электронного контроля. В этой связи особенно часто называются Билл Гейтс и Энтони Фаучи. Последний с 1984 г. является директором Национального института изучения аллергических и инфекционных заболеваний (США). Другой силой, заинтересованной в нагнетании чрезмерного страха перед эпидемией, была и остается антитрампо-

вская глобалистски ориентированная коалиция в США, которая, пользуясь случаем, усугубила в стране экономические трудности и создала массовую безработицу со всеми вытекающими последствиями. Члены коалиции надеялись на перелом в настроениях избирателей и последующее голосование против Д. Трампа. Хорошее состояние американской экономики всегда было основным козырем последнего. Задачей демократов при таком раскладе было максимально продлить чрезвычайное положение, чтобы не дать экономике восстановиться и вернуться к нормальной работе, а людям – прийти в себя и успокоиться к моменту выборов.

Как и предполагалось, была разыграна карта возвращения эпидемии осенью. Следует признать, что план ухудшения американской экономики до уровня, когда население начнет в этом винить Трампа, а с помощью пандемии удастся заставить людей голосовать по почте, сработал. Голосование (хотя и не без серьезных нарушений и подтасовок) оказалось в пользу Дж. Байдена и демократов.

При этом со стороны противников Д. Трампа не заметно ни малейшего сожаления относительно падения ВВП, а всякие попытки Трампа сохранить экономический уровень жестко осуждались. Даже сегодня количество безработных составляет 11 млн человек (а в отдельные моменты их численность значительно превышала 30 млн человек). Очевидно, что возвращение к нормальной работе экономики будет медленным, несмотря на проекты громадного финансового стимулирования со стороны Дж. Байдена и новой администрации. Последние используют трудное положение для того, чтобы объявить Байдена победителем небывалой пандемии и соответственно поднять его рейтинг.

Еще в 2005 г. автор этих строк сформулировал основное противоречие современной эпохи между общемировыми интересами и эгоистичными интересами США. Прогнозировалось, что это противоречие будет нарастать, в том числе и потому, что политические силы Соединенных Штатов все заметнее используют внешнюю политику как инструмент достижения внутривнутриполитических целей, особенно – победы на выборах (Гринин 2005: 17; см. также: Он же 2018; Grinin, Korotayev 2020). При этом борьба все большей части мирового сообщества с растущим эгоизмом Соединенных Штатов, не желающих учитывать в своей политике общие интересы, будет составлять главную интригу современного глобального противоречия. После прихода к власти Дональда Трампа это стало особенно

очевидным, так как фронт противоречий расширился за счет игнорирования американцами интересов даже своих союзников. После ухода Трампа это противоречие не исчезнет. Однако приход к власти демократов, поддерживаемых крупнейшим финансовым капиталом, возможно, будет означать трансформацию указанного противоречия в том направлении, что и позиции США в отношении глобализации станут превращаться из субъектных, когда они «глобализировали» других в своих интересах, в объектные, когда и само могущество США станет основой для их трансформации в общемировые тренды. В этом случае основное противоречие трансформируется в конфликт верхушки финансово-цифровых корпораций Америки и связанных с ними американских и неамериканских корпораций и элит, с одной стороны, и мировых интересов – с другой. И в чем-то это будет даже более острое противоречие, чем было до сих пор. Ведь эта верхушка составляет даже не один процент населения, а небольшие доли процента. Но это тема отдельного исследования.

Нарастающее приближение экономического кризиса и пандемия

Как известно, развитие экономики имеет циклический характер. В самом общем плане это связано с тем, что по разным причинам исчерпываются возможности для экономического роста: слишком дорогими становятся ресурсы, конкуренция за них усиливается, разлаживается сбыт, исчерпывается кредит, надуваются пузыри, растут издержки производства и т. д. В итоге экономический цикл завершается циклическим кризисом, который может происходить в разных формах. Нередко кризисы связаны с обвалом биржевых стоимостей, резким падением объема производства, массовыми разорениями, но иногда реализуются в виде относительно медленного спада, имеющего затяжной характер. Подобно войнам и революциям, все кризисы имеют некоторые общие черты, но в то же время проходят по-разному, каждый из них демонстрирует значимые особенности. Кризис можно рассматривать как часть экономического цикла, когда потенциал роста временно оказывается исчерпанным. При этом принудительно восстанавливаются пропорции, более соответствующие наличным возможностям общества. Кризис – это лишь часть цикла, в рамках которой структурные противоречия и несоответствия общества становятся на время непреодолимыми. Но затем они частично разрешаются, открывая воз-

возможности для начала нового цикла (подробнее о природе экономических кризисов см.: Tugan-Baranovsky 1954; Mitchell 1927; Schumpeter 1939; Haberler 1964 [1937]; Bernanke *et al.* 1998; Minsky 2005; Гринин 2009; Гринин, Коротаев 2012; Grinin, Korotayev, Malkov 2016; Grinin, Korotayev, Tausch 2016; Grinin, Korotayev 2014a).

И устранить эту цикличность экономического развития, несмотря на все усилия, не удается. В то же время различные проциклические и антициклические действия финансовых регуляторов и правительств могут очень существенно повлиять на характер протекания экономического цикла (также называемого жюгляровским, см.: Grinin, Korotayev, Malkov 2016), в частности сократить или увеличить его длительность. К примеру, в 1950–1960-е гг. ФРС повышениями учетных ставок влияла на то, что экономические циклы в США завершались раньше, чем могли бы, а экономические кризисы носили нетяжелый характер. Это называется «проциклические меры». В последнее время, напротив, стали очень активно применяться антициклические меры, в частности снижение ставок вплоть до нуля или даже отрицательных величин, искусственная поддержка кредита, активное насыщение рынка финансами, выкуп обязательств и прямая помощь отдельным игрокам. После кризиса 2008 г. эти меры приняли гигантские масштабы (а в настоящий момент стали просто фантастическими по объемам).

В результате основные диспропорции прошлого цикла перед кризисом 2008 г., связанные с замедлением и даже падением роста производительности труда, перекредитованностью бизнеса и населения, чрезмерным объемом государственного долга, низкой долей или даже снижением инвестиций в ВВП, сокращением доли реального сектора в ВВП и чрезмерной ролью финансового сектора, не были ликвидированы.

Напротив, финансиализация экономик приняла гипертрофированные масштабы, что только усугубило указанные проблемы. В результате за счет дешевых кредитов образовалось множество предприятий со слабой способностью к конкуренции (которые даже получили название «фирмы-зомби»), практически не имеющих прибыли, не говоря уже о том, чтобы быть инновационными. В итоге экономика в целом ослабела, а темпы роста замедлились. Мировая торговля также стала буксовать. Какие-то темпы роста поддерживались только огромными финансовыми вливаниями в экономику. Мировая экономика подошла к рубежу кризиса фактически уже в 2016 г., но сдувания пузыря на фондовых биржах не

происходило благодаря усилиям правительств и центральных банков, а экономический рост поддерживался ростом государственного долга и фискальными мерами (вроде значительного снижения налогов и крупных налоговых амнистий в США). Таким образом, наступление кризиса было задержано на три-четыре года. Как и многие другие, мы прогнозировали наступление кризиса в конце 2010-х гг. (Grinin, Korotayev 2014b; 2018). В 2019 г. ожидание рецессии стало едва ли не массовым, поскольку все ресурсы оказались исчерпанными, а ФРС, американское и другие правительства буквально в ручном режиме пытались спасти рынки.

Для теории экономических циклов очень важным является своего рода правило, что для начала кризиса и перехода в рецессию требуется какой-либо триггер. При этом чем сильнее выросли экономические диспропорции и противоречия, спекуляции и рискованные операции, тем меньшего масштаба требуется триггер. В итоге два события, совпавших по времени, запустили текущий кризис: резкое снижение цен на нефть и ценовая война на этом фронте, а также (в еще большей степени) начавшаяся пандемия. Последняя стала триггером экономического кризиса едва ли не в первый раз за всю почти двух с половиной вековую историю кризисов (хотя эпидемии и оказывали некоторое влияние на отдельные кризисы XVIII столетия). И крайне характерным моментом для современного вступления в рецессию является то, что экономику обрушивают не столько экономические, сколько политические меры. Хотя, повторим, даже без пандемии мировая экономика неизбежно вступила бы в рецессию в течение года или полутора лет.

Последствия пандемии для мировой экономики в 2020 г.

Негативный эффект от пандемии стал огромным и будет длительным. Наихудшим был второй квартал. В США число поданных новых заявок по безработице (правда, по новым либеральным правилам) достигло фантастической цифры в 33 млн. А падение производства составило более 9 % (или, по американской системе подсчетов, 32 % к первому кварталу). В целом за год экономика США потеряла 3,5% ВВП, больше, чем в любом другом году после Второй мировой войны, в том числе и кризисном 2009 г.

Крайне важным моментом является то, что вспышка коронавируса совпала по времени с обрушением фондовых рынков, падением нефтяных цен и начавшейся ценовой войной между Саудовской Аравией и Россией, а также рецессией в целом, о чем было сказано

выше. Оба процесса создали синергетический эффект негативного влияния на экономику. В марте биржевые индексы упали более чем на 30 %. Однако в дальнейшем пути развития фондовых рынков и реальной экономики радикально разошлись. Первые довольно быстро восстановились и к осени даже достигли новых рекордов. А реальная экономика, хотя и несколько улучшила позиции в третьем квартале за счет частичного снятия локдауна, еще весьма далека от полного восстановления. И падение мирового ВВП в 2020 г. достигнет 4–5 %. Соответственно, падение или отсутствие роста в той или иной степени будет наблюдаться в большинстве стран.

Такое расхождение путей фондового рынка и реальной экономики объясняется тем, что в последние 15 лет очевидно доминирование финансового сектора в принятии решений. Фактически главной задачей власти стало недопущение падения фондовых рынков, ради чего через центральные банки делаются гигантские (и проходящие без контроля законодателей) финансовые вливания. В 2020 г. через ФРС в американские фондовые рынки было влито не менее 3 трлн долларов, а с помощью косвенных методов и существенно больше.

Страны с фиатными валютами (в основном развитые) каким-то образом могли поддерживать свои экономики за счет роста внутреннего долга и эмиссии ЦБ, поэтому в краткосрочном периоде до конца года в состоянии потерять не так много процентов от ВВП. Страны, импортирующие нефть и энергоносители, сумеют за счет этого несколько снизить потери, но далеко не полностью их возместить.

Позиции нефтеэкспортирующих стран ухудшились в связи с падением спроса на энергоносители

Во многих экономиках произошел рост онлайн-продаж в ущерб ритейлу (офлайн-продажам). И этот тренд может впоследствии сказаться на ухудшении экономик многих городов, торговля из которых уходит в другие центры, усилить проблемы с их бюджетами, а также стать одной из причин роста безработицы. Намного заметнее, чем в других секторах мировой экономики, в 2020 г. негативные последствия наблюдаются в сферах международной торговли и международного туризма, авиа- и других перевозок и пр.

Отметим, что хотя общее снижение темпов роста имеет место повсюду, экономики развивающихся стран в целом будут замедляться слабее, чем развитых, то есть они станут увеличивать свою

долю на мировом рынке в сравнении с последними. В развитых же странах налицо отрицательный рост, так же как, впрочем, и в ряде нефтеэкспортирующих государств, включая Россию.

Влияние пандемии на мировую экономику

Помимо вышесказанного, отметим изменения, вызванные синергетическим эффектом влияния пандемии и рецессии на финансовую политику развитых стран. США и Европа в последнее время (а Япония – уже с некоторых пор) стали в невиданных масштабах наращивать эмиссию и внутренний долг. Эмиссия ФРС только за 2020 г. может достичь сумм, которые были эмитированы в предшествующее десятилетие. Фактически идет сращивание финансовой силы государства и крупных частных игроков и капиталов. На некоторое время это дало эффект: притушило обвал рынков и помогло им восстановиться. Но, по сути, это делается за счет снижения темпов роста экономики после 2020 г. Особенно заметно это будет в США, где финансовым и политическим властям придется поддерживать фондовые рынки, низкие ставки, пытаться препятствовать банкротствам и т. п. Все это сделает их экономику менее конкурентоспособной, у граждан усилит привычку жить не по средствам (за счет постоянно растущего долга) и в долгосрочной перспективе ослабит позиции доллара. В ближайшие годы можно предполагать введение США отрицательных ставок, а также заимствование Соединенными Штатами и Европой из Японии практики прямой покупки акций центральными банками на фондовых рынках (Efimovich 2020).

Нельзя не вспомнить и соревнование между Д. Трампом и демократами в вопросе о том, какая сторона предложит больше денег и видов помощи американцам в течение 2020 г. Такой популизм «разогнал» национальный долг США только за один год на более чем 3 трлн долларов. Это делает дальнейший рост государственного долга почти неуправляемым, и главным кредитором правительства США станет ФРС. Подобные процессы усилятся также в Европе и Японии.

Экономика Китая в 2020 г. выросла всего на 2,3 % по сравнению с прошлогодними 6,3 % (то есть наблюдается замедление роста почти в три раза). Хотя в 2021 г., вероятно, рост ВВП в Китае будет больше, чем в 2020-м, но можно предполагать в 2021 и последующие годы в целом снижение темпов роста примерно до 3–4 % в год (по сравнению с прежними 6–7 %). Отсюда возрастет

необходимость менять китайскую экономическую модель. Эта проблема стала актуальной уже более десяти лет назад (см.: Гринин 2012а; Grinin 2013; Grinin *et al.* 2015). Однако весьма сомнительно, что Китай готов к радикальному изменению своей экономической модели наращивания ВВП путем избыточных инвестиций и накачивания экономики кредитами. Поэтому, напротив, можно ожидать усиления эмиссии и всяческой поддержки экономики, что будет увеличивать диспропорции в экономике и создавать условия для будущих системных кризисов. Также, вероятно, усилится политика приписок для создания иллюзии, что замедление экономического роста не очень значительно.

Замедляющееся развитие мировой экономики, так же как экономики развитых стран по сравнению с нулевыми и даже десятилетиями годами, вполне укладывается в концепцию более кризисно-депрессивного экономического развития в понижительной фазе кондратьевских волн (циклов). В настоящий момент мы переживаем нисходящую фазу пятой кондратьевской волны (см.: Гринин, Коротаев 2012). Мы исходим из того, что правительства и финансовые власти развитых стран и Китая не готовы позволить развиваться рецессии естественным путем, а намерены поддерживать на плаву тысячи экономически обреченных предприятий и нерентабельных проектов, в несколько раз усиливая вливание денег в экономику и поддерживая низкие, нулевые и даже отрицательные ставки. Это одновременно позволяет с меньшими усилиями поддерживать стремительный рост национального долга. Отсюда можно ожидать, что новый среднесрочный жюглярровский цикл затянется дольше обычного.

Если считать, что в 2020 г. наступила рецессия (а она наступила в отношении ВВП, хотя биржи, как мы видели, восстановились), то предыдущий цикл Жюгляра длился более 11 лет. Это стало возможным только благодаря сверхмягкой финансовой политике и наращиванию национального долга в США, развитых странах и Китае, всемерным попыткам отодвинуть рецессию, помочь потенциальным банкротам. 11 лет считается предельным сроком для жюглярровских циклов (правда, на понижительных фазах в целом среднесрочные циклы могут быть несколько длиннее, чем на повышательных). Поэтому можно предположить, что наступивший среднесрочный цикл, который пока находится в фазе разворачивающейся рецессии, будет даже длиннее прошедшего (2008–2020 гг.). Длиннее, повторим, потому, что государства будут пы-

таться всячески избежать взрыва биржевых и иных пузырей, вхождения в рецессию, ухода с рынка фирм с низкой конкурентоспособностью, «фирм-зомби» и т. д.

Естественно, нельзя ожидать, что в целом и спрос на энергоносители останется стабильно растущим, скорее, он будет волатильным, цены могут расти или быть стабильными только при ограничении предложения и при условии, что сжиженный газ начинает частично заменять нефть.

Кто из великих держав больше выигрывает, и, напротив, кто больше проигрывает от пандемии

В начале 2020 г. мы предполагали, что поскольку в США антитрамповские силы будут пытаться разыгрывать карту пандемии для победы на президентских выборах, то Америка может проиграть больше других. На волнах победы на выборах демократы сейчас об этом вовсе не думают, однако плоды их пирровой победы над Трампом довольно скоро дадут о себе знать.

В то же время Китай, похоже, смог временно выиграть, так как под законным предлогом фактически отказался от невыгодных сделок с Трампом. Конечно, мы полагаем, что политика постоянного давления на Китай и обвинения его во всех грехах (подобно тому, что делают США в отношении России) демократы продолжают, уже есть первые сигналы, однако на какое-то время им, возможно, будет не до Китая. Так что краткосрочно он может получить передышку. Кроме того, КНР в какой-то мере одержала идеологическую победу, смогла повысить свой престиж, доказав собственному населению и многим в мире, что способна на очень масштабные и эффективные меры по борьбе с эпидемией. Сегодня Китай является одной из немногих стран, которым удалось остановить распространение эпидемии. В то же время в будущем Китаю придется столкнуться с очень серьезными проблемами, так как обострится борьба с США (см. ниже), а последние, теперь это стало очевидным, готовы применять любые способы в борьбе с конкурентами.

Европа, похоже, больше проиграла, так как до сих пор находится в рамках жестких ограничений, а ее экономика испытывает трудности.

Значительно возросли риски и в России. К опасности установления низких цен на нефть на длительное время добавилось невиданное разрушение экономики за счет объявленного режима самоизоляции и прекращения работы предприятий. В итоге правитель-

ство взяло на себя очень большие обязательства в отношении помощи экономике и населению. И хотя реально этой помощи абсолютно недостаточно, расходы бюджета выросли очень значительно. Как долго российский бюджет выдержит нагрузку при резком падении доходов и мощном возрастании расходов, неясно, но явно не слишком долго. Кроме того, внутренний спрос сокращается уже несколько лет подряд. Все это делает финансово-экономическую и, следовательно, политическую обстановку в стране менее устойчивой.

В среднесрочной перспективе:

1. В целом может произойти ослабление всех нынешних крупных игроков и постепенное усиление стран с растущей экономикой и увеличивающейся численностью населения.

2. Страны, не имеющие свободно конвертируемой валюты, могут начать выходить из соглашений, препятствующих их ЦБ эмитировать валюту. В результате вероятно ослабление позиции доллара, то есть США. Кроме того, усилились попытки создать цифровые государственные валюты.

3. Поскольку в результате борьбы с нарушителями карантина, несомненно, возросла возможность контролировать население за счет новых технологий искусственного интеллекта и приобретенного опыта, авторитарные страны, такие как Китай и Россия, получают определенные дополнительные преимущества, хотя нынешние технологии цифрового контроля (вплоть до «цифрового рабства») активно внедряются и в так называемых свободных странах.

Мировой баланс сил

В краткосрочной перспективе мировой баланс сил может и не измениться. Однако если рецессия будет достаточно серьезной, а карантин – длительным, начнется постепенное изменение этого баланса, точнее, усилится процесс, который уже идет довольно долгое время. В целом мы называли его реконfigurацией Мир-Системы (Гринин 2012б; 2016а; 2016б; Grinin, Korotayev 2012; 2020). Он связан с постепенным разрушением старого порядка, основанного на гегемонии США, и возникновением условий для создания нового мирового порядка (Grinin *et al.* 2016). К сожалению, процесс этот идет «естественным», то есть стихийным и разрушительным, образом. И нынешний временный отказ от базовых прав граждан, закрытие границ и т. п. вкуче с рецессией станут предпосылкой для существенных изменений в дальнейшем.

В частности, может начаться процесс ослабления нынешних глобальных и региональных центров силы. Возможно, всех центров, но в разной степени. В США внутренняя борьба приняла характер гибридной гражданской войны (Гринин 2020): это будет ослаблять страну, делать ее внешнюю политику все большей заложницей внутривластной борьбы.

Очевидно, что Соединенные Штаты теряют свои лидерские функции¹. Мы также отмечали, что в результате этого ослабления в последние годы усиливается «беспорядок» в мире, причем особенно заметный вклад в него вносят действия США (Гринин 2016а; Grinin L., Grinin A., Korotayev 2017а; 2017b). С приходом к власти Д. Трампа, из-за его стремления изменить многие устоявшиеся отношения, «беспорядка» стало еще больше (Гринин 2018; 2019; Grinin, Korotayev 2020). Это свидетельствует об усилении описанного ранее противоречия. Для целей настоящего прогноза крайне важно подчеркнуть, что в 2020 г. пандемия станет новым рубежом в изменении позиций США в мире и одновременно новым пунктом ослабления их гегемонии, усиления противодействия такому развитию событий. Это потребует новых усилий Соединенных Штатов в борьбе за ослабление возможных соперников и подрыв их позиций в мире. Также важно указать, что республиканский строй и демократическое правление, лежащие в основе их политической системы, противоречат их имперской позиции. И это противоречие не поверхностно, а системно, республиканизм и демократические ценности будут все сильнее вступать в конфронтацию с Империей, а поскольку ни от Республики, ни от Империи Соединенные Штаты отказаться не смогут, все это будет очень значимо и непредсказуемо влиять на политические процессы в Америке и болезненно отражаться во всем мире.

Иными словами, гигантская власть Соединенных Штатов Америки над миром и объективно вытекающая из этого ответственность за мировой порядок вступают в жесткое противоречие с архаичной политической системой и фактической безответственностью американского политического истеблишмента, не просчитыва-

¹ См., например: Киссинджер 2002; Kissinger 2014; Buchanan 2002; Капхен 2004; Годд 2004; Валлерстайн 2001; Mandelbaum 2005; Kennedy 2008; Закария 2009; Мир... 2009; NIC 2012; Lachmann 2010: 185, 197; Grinin 2010; 2019; Grinin, Korotayev 2010а; 2010b; 2015; 2020; Grinin, Korotayev, Tausch 2016; Grinin L., Grinin A., Korotayev 2017а; см. также: Komlosy, Hofbauer 2019.

вающего последствия своих действий на международной арене и делающего ставку прежде всего на разведывательные службы и силовые структуры (пресловутую «политику большой дубинки»). Но такая политика непригодна для рационального управления Империей². Это очень важный момент для настоящего прогноза, поскольку противоречие между архаической политической системой США и ее внешнеполитическими обязательствами будет усиливаться и обостряться (см. подробнее: Гринин 2018; 2019; Grinin, Korotayev 2020). Поэтому в ближайшее время вероятны неожиданные изменения во внешней политике страны, независимо от того, какая администрация будет ею управлять.

Эти изменения могут касаться отношений со странами, которые традиционно рассматривали себя союзниками Америки. Хотя на первых порах демократы в чем-то улучшат отношения с союзниками и вернутся к Парижскому соглашению, но в целом последним следует ожидать от США ухудшения отношений, новых финансовых требований, запретов на контакты с Россией и другими странами, даже санкций. Соединенные Штаты могут стать еще более недоговороспособными, чем были в последнее время. Эпидемия коронавируса может явиться важным пунктом и в усилении борьбы так называемых глобалистов (представителей американского бизнеса и финансов, ориентирующихся на мировой рынок), а также бизнеса, ориентированного на внутренний потребительский рынок США и их производственный сектор. Можно ожидать и усиления антикитайской риторики, для чего любой повод будет хорош. Поскольку внутривнутриполитическая борьба полностью подчиняет себе внешнеполитические интересы Америки, это значит, что в следующие четыре года борьба партий в США пойдет по уже апробированному сценарию, только вместо России демонизировать будут Китай (впрочем, и о нашей стране, конечно, тоже не забудут)³. Следовательно, попытки наказать КНР могут в ближайшие годы привести к еще более напряженным отношениям в Мир-Системе,

² Об архаичности американской политической системы и ее слабостях см.: Фридман 2011: гл. 1; Lachmann 2010: Ch. 7; Гринин 2019.

³ Правда, в последнее время наметился тренд на полный захват власти демократами и их спонсорами, что выглядит как внешне мирный, ползучий государственный переворот. В таком случае в стране может сформироваться полупарламентарная система со всеми вытекающими последствиями демократического тоталитаризма.

чем в последнее время, что, без сомнения, еще больше «расшатывает» существующий мировой порядок, а также весьма сильно поляризует мир.

В таких странах, как Россия, нынешние антивирусные меры способны полностью остановить экономический рост, что может повлечь за собой утрату страной экономической силы. Притом она может пытаться компенсировать эти потери за счет более активной и в чем-то более жесткой внешней политики. Однако в среднесрочной перспективе ближайших лет ухудшение экономической ситуации в РФ может привести к обострению внутривластной ситуации в стране, усилить опасность социально-политической дестабилизации (которая уже началась в Белоруссии). Не менее сложная ситуация может возникнуть и в Саудовской Аравии, особенно в случае затяжного периода низких цен на нефть. Там уже начали принимать непопулярные фискальные меры. В стране может вновь обостриться подковерная политическая борьба за власть, при том что по мере сокращения в таких условиях ее валютных запасов начнет снижаться и ее влияние в арабском мире.

Следует отметить, что моменты изменения мирового порядка и кризисно-депрессивного развития (которое мы прогнозируем в среднесрочной, а отчасти и в долгосрочной перспективе⁴) очень тесно связаны. Именно в такой период слабого экономического развития усиливаются турбулентные явления в мировой политике, мировой порядок «расшатывается», начинаются поиски его альтернативных моделей. Отметим, что согласно теории производственных революций (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; Grinin L., Grinin A., Korotayev 2017а; 2017b; 2020) современная эпоха относится к третьей в истории – кибернетической⁵ – производственной революции (после аграрной/неолитической и промышленной). Эта революция имеет три фазы. Первая – бурное инновационное развитие 1955–1990 гг. Вторая – современная, начавшаяся в конце прошлого века и завершающаяся в 1920-х гг. Она связана с мощным распространением цифровых технологий. Особенностью данной фазы являются менее инновационные технологические преобразования, но более быстрое и мощное их усовершенствование и распростране-

⁴ Условно считаем среднесрочную перспективу в пределах 10 лет, долгосрочную – в интервале от 10 до 30 лет.

⁵ Не стоит путать с популярной, но, по нашему мнению, научно не вполне обоснованной идеей четвертой промышленной революции.

ние в большинстве стран мира (примеры – ЭВМ на начальной фазе в 1950–1970-е гг. и персональный компьютер малого размера в 2020-е гг.; аналогично – мобильный телефон); при этом в 1950–1970-е гг. инновационные технологии получали распространение преимущественно в развитых государствах, а в 1990–2020-е гг. – в прежде отсталых странах.

Завершающая фаза кибернетической революции начнется в 2030-е гг. и продлится до 2060–2070-х. Она, таким образом, сольется с шестым технологическим укладом, формирующимся в результате шестой кондратьевской волны (о кибернетической революции и шестой кондратьевской волне см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б; Grinin L. E., Grinin A. L. 2016; Grinin, Korotayev, Tausch 2016; Grinin L., Grinin A., Korotayev 2017a; 2017b). 1990–2030-е гг. – это период промежуточной фазы кибернетической революции, в котором мы сейчас и находимся.

Однако для нового технологического рывка необходимо несколько выровнять уровни странового развития в мире; именно это и происходило и продолжает происходить до настоящего времени. Развивающиеся страны существенно сблизилась с развитыми за счет того, что темпы роста в первых заметно выше, чем во вторых. Мы назвали этот процесс Великой конвергенцией (Grinin, Korotayev 2015) и ожидаем, что она будет продолжаться также в 2020-х гг.

Для нового технологического рывка центр Мир-Системы должен ослабнуть, многие старые политические, социальные, международные отношения должны быть изменены. Все это может происходить только за счет явления, которое выше мы определили как реконфигурацию Мир-Системы. Соответственно, эта реконфигурация заключается в подтягивании политической составляющей современного мира к экономической, которая сильно опередила политическую (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б; 2019; Grinin, Korotayev 2012; 2016). Ясно, что экономическая и финансовая глобализация зашла намного дальше, чем политическая. Соответственно подтягивание политической составляющей – это болезненный, турбулентный, конфликтный, местами революционный процесс. Не случайно и глобализация в своем прежнем издании забуксовала. Экономическая глобализация откатывается назад (взять хотя бы введение импортных тарифов и развал ВТО; а коронавирус и вовсе откатил ее), а политическая расчищает себе пространство. Подтягивание политической составляющей будет осуществлено в результате начала формирования нового мирового порядка. Но для этого

приходится разрушать старый порядок, а это, естественно, болезненный и опасный процесс. Коронавирусная эпидемия – очередной шаг в данном направлении.

В целом же ближайшие 10–12 или более лет, по прогнозам, станут экономически и политически трудными и конфликтными.

Таким образом, стабильный подъем мы увидим только в начале 2030-х гг., собственно, и шестая кондратьевская волна может начаться в это время. Тем не менее сейчас сложно сказать, насколько прочными окажутся экономики и финансовые сектора. Не исключено, что, несмотря на все усилия правительств, рынки обрушатся значительно раньше, и в этом случае следует ожидать не одного длинного, а двух коротких бизнес-циклов.

Литература

Валлерстайн, И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга.

Гринин, Л. Е.

2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.

2009. Психология экономических кризисов. *Историческая психология и социология истории* 2(2): 75–99.

2012а. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире. *Век глобализации* 2: 43–61.

2012б. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.

2016а. Мировой порядок, Арабская весна и наступающий период глобальной турбулентности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте*. Волгоград: Учитель, с. 191–239.

2016б. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем. *История и современность* 1: 20–63.

2018. Слабости Америки и президент Трамп. *История и современность* 3: 3–31. DOI: <https://doi.org/10.30884/iis/2018.03.01>.

2019. Слабости и перспективы Америки и президент Трамп. *Философия и общество* 4: 5–34.

2020. Сложилась ли в Америке революционная ситуация. *Век глобализации* 3: 31–44.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л.

2015а. *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

2015б. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад. *Историческая психология и социология истории* 8(1): 172–197.

2019. Глобальное старение, темпы научно-технического прогресса и изменение современной модели потребления в XXI – начале XXII в. *Историческая психология и социология истории* 12(2): 36–56.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ.

Егисман, В. 2020. Насколько глубокой окажется рецессия в США? *VOA* 31 марта. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/vj-pandemia-recession-threat/5354065.html> (дата обращения: 05.04.2020).

Закария, Ф. 2009. *Постамериканский мир будущего*. М.: Европа.

Капхен, Ч. 2004. *Закат Америки. Уже скоро*. М.: АСТ, ОАО «Люкс».

Киссинджер, Г. 2002. *Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI в.* М.: Ладомир.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. 2009. М.: Европа.

Тодд, Э. 2004. *После империи. Pax Americana – начало конца*. М.: Международные отношения.

Фридман, Дж. 2011. *Следующие 10 лет. 2011–2021*. М.: Эксмо.

Atkeson, A. 2020. *What will be the Economic Impact of COVID-19 in the US? Rough Estimates of Disease Scenarios* (No. w26867). National Bureau of Economic Research.

Baker, S. R., Bloom, N., Davis, S. J., Terry, S. J. 2020. *Covid-Induced Economic Uncertainty* (No. w26983). National Bureau of Economic Research.

Bernanke, B., Gertler, M., Gilchrist, S. 1998. *The Financial Accelerator in Quantitative Business Cycle Framework*. NBER Working Paper No. 6455. Cambridge, MA: NBER.

Buchanan, P. J. 2002. *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization*. New York: St. Martin's Griffin.

Efimovich, A. L. 2020. Negative Rates and Other Financial Technologies in Modern Economic Reality on the World-System Scale. *Journal of Globalization Studies* 11(2): 63–76.

Fernandes, N. 2020. *Economic Effects of Coronavirus Outbreak (COVID-19) on the World Economy*. Available at SSRN 3557504.

Hofbauer, H., Komlosy, A. 2020. Corona-Krise: Anschlag für eine kybernetische Wende. *Telepolis* May 20. URL: <https://www.heise.de/tp/features/Corona-Krise-Anschlag-fuer-eine-kybernetische-Wende-4723168.html>.

Grinin, L. E.

2010. Which Global Transformations would the Global Crisis Lead to? *Age of Globalization* 2: 31–52.

2013. The Tiger and the Dragon. Development Models and Perspectives of India and China. *Journal of Globalization Studies* 4(1): 5–31.

2019. Revolutions in the Light of Historical Process. *Social Evolution & History* 18(2): 260–285.

2020. How Can COVID-19 Change Geopolitics and Economy? *Journal of Globalization Studies* 2: 121–134.

Grinin, L. E., Grinin, A. L. 2016. The Sixth Kondratieff Wave and the Cybernetic Revolution. In Grinin, L. E., Ilyin, I. V., Herrmann, P., Korotayev, A. V. (eds.), *Globalistics and Globalization Studies: Global Transformations and Global Future. Yearbook*. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House, pp. 337–556.

Grinin, L. E., Grinin, A. L., Korotayev, A. V.

2017a. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing. *Technological Forecasting and Social Change* 115(C): 52–68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.09.017>.

2017b. The MANBRIC-Technologies in the Forthcoming Technological Revolution. In Devezas, T. C., João, L., Sarygulov, A. (eds.), *Industry 4.0: Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape*. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer International Publishing, pp. 243–261.

2020. A Quantitative Analysis of Worldwide Long-Term Technology Growth: From 40,000 BCE to the Early 22nd Century. *Technological Forecasting and Social Change* 155 (June): 119955.

Grinin, L. E., Korotayev, A. V.

2010a. Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 1. The Global Financial System: Pros and Cons. *Journal of Globalization Studies* 1(1): 70–89.

2010b. Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.

2012. Does “Arab Spring” Mean The Beginning Of World System Reconfiguration? *World Futures: The Journal of Global Education* 68(7): 471–505. DOI: <https://doi.org/10.1080/02604027.2012.697836>.

2014a. Interaction between Kondratieff Waves and Juglar Cycles. In Grinin, L. E., Devezas, T. C., Korotayev, A. V. (eds.), *Kondratieff Waves. Juglar – Kuznets – Kondratieff*. Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House, pp. 25–95.

2014b. The Inflationary and Deflationary Trends in the Global Economy, or ‘the Japanese Disease’ is Spreading. *Journal of Globalization Studies* 5(2): 152–173.

2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer International Publishing. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-17780-9>.

2016. MENA Region and the Possible Beginning of World System Reconfiguration. In Erdoğan, M. M., Christiansen, B. (eds.), *Comparative Political and Economic Perspectives on the MENA Region*. Hershey PA: Information Science Reference, An Imprint of IGI Global, pp. 28–58.

2018. The Future of the Global Economy in the Light of Inflationary and Deflationary Trends and Long Cycles Theory. *World Futures: Journal of General Evolution* 74(2): 84–103.

2020. Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony. *World Futures*. DOI: 10.1080/02604027.2020.1801309.

Grinin, L., Korotayev, A., Malkov, S. 2016. The Mathematical Model of Juglar Cycles and the Current Global Crisis. In Grinin, L. E., Devezas, T. C., Korotayev, A. V. (eds.), *Kondratieff Waves: Cycles, Crises, and Forecasts*. Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House, pp. 14–64.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2016. *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Cham: Springer International Publishing Switzerland. 265 pp. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-41262-7>.

Grinin, L., Tsirel, S., Korotayev, A. 2015. Will the Explosive Growth of China Continue? *Technological Forecasting and Social Change* 95: 294–308. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2014.06.023>.

Guerrieri, V., Lorenzoni, G., Straub, L., Werning, I. 2020. *Macroeconomic Implications of COVID-19: Can Negative Supply Shocks Cause Demand Shortages?* (No. w26918). National Bureau of Economic Research.

Haberler, G. 1964 [1937]. *Prosperity and Depression: a Theoretical Analysis of Cyclical Movements*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Heisbourg, F. 2020. From Wuhan to the World: How the Pandemic Will Reshape Geopolitics. *Survival* 62(3): 7–24.

Kennedy, P. 2008. Is this the End of the American Era? *The Sunday Times* October 12. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/is-this-the-end-of-the-american-era-3sm9hvs9lw3> (дата обращения: 05.04.2020).

Kissinger, H. 2014. *World Order*. New York: Penguin Press.

Komlosy, A., Hofbauer, H. 2019. Peripheralization and Catching Up in Eastern Europe in Historical Perspective. *Social Evolution & History* 18(1): 94–109.

Kosmehl, M. 2020. *Geopolitical Symptoms of COVID-19: Narrative Battles within the Eastern Partnership*. Bertelsmann/Stiftung Policy Brief 08.04.

Lachmann, R. 2010. *States and Power*. Cambridge, UK: Polity Press.

Mandelbaum, M. 2005. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century*. New York, NY: Public Affairs.

McKee, M., Stuckler, D. 2020. If the World Fails to Protect the Economy, COVID-19 will Damage Health not Just Now but also in the Future. *Nature Medicine* 26(5): 640–642.

Minsky, H. P. 2005. *Induced Investment and Business Cycles*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.

Mitchell, W. C. 1927. *Business Cycles: The Problem and Its Setting*. New York, NY: NBER.

NIC – National Intelligence Council. 2012. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. Washington, DC: National Intelligence Council. URL: <https://www.dni.gov/index.php/who-we-are/organizations/mission-integration/nic/nic-related-menus/nic-related-content/global-trends-2030> (дата обращения: 05.04.2020).

Ozili, P. K., Arun, T. 2020. *Spillover of COVID-19: Impact on the Global Economy*. Available at SSRN 3562570.

Schumpeter, J. A. 1939. *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York, NY; London, UK: McGraw-Hill Book Company Inc.

Sharif, A., Aloui, C., Yarovaya, L. 2020. COVID-19 Pandemic, Oil Prices, Stock Market, Geopolitical Risk and Policy Uncertainty Nexus in the US Economy: Fresh Evidence from the Wavelet-Based Approach. *International Review of Financial Analysis* 70.

Snooks, G. D. 2020. *Will the World Ever Recover from the Great Lockdown? Counting the Costs of Waging War on the Economy*. Institute of Global Dynamic Systems, Working Papers 21.

Tugan-Baranovsky, M. I. 1954. Periodic Industrial Crises. A History of British Crises. *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States* 3(3): 745–802.